

Вся книга сохранилась очень хорошо, но при мнѣ уже не было (въ 1872 году) изображенія евангелиста Иоанна, что весьма жаль, такъ какъ эти изображенія составляютъ замѣчательные памятники старого искусства чертить отъ руки.

Въ начертаніи буквъ есть некоторые особенности: буква *у* имѣеть фигуру латинскаго *U*, а буква *в* изображена двумя вертикальными черточками, сверху и снизу тоже подчеркнутыми горизонтальными линіями.

Есть пропуски въ текстѣ, но они выписаны на поляхъ.

Переплетъ евангелия, бархатный, поистерся, а серебряная патинія на передней доскѣ, подложенія деревомъ, стали прорываться.

Сообщ. С. Миропольский.

Причитанья или заплачки по умершимъ.

Причитанья народа—это плачевныя пѣсни по умершимъ, составленныя имъ самимъ. Естественно плакать по умершемъ близкому человѣку. Потеря близкаго человѣка, вѣчная разлука съ нимъ, любовь къ нему, тоска и безвыходность положенія отъ потери его — вотъ побужденія, заставляющія плакать по умершимъ. Плачь бываетъ иногда тихій, безмолвный и безъ словъ, а иногда при плаче лются слова также обильно, какъ и самыя слезы. Тогда и выливается изъ души скорбящаго человѣка цѣляя пѣснь плачевная, конечно—не у всякаго. Содержаніемъ ея служатъ любовь и тоска по умершимъ. Самый тонъ причитаній и напѣвъ раздираетъ душу. Невольно вынадеть слеза, когда, проходя по деревенскому кладбищу, услышишь мать, причитающую надъ могилой сына. Въ бытность мою, въ прошлое лѣто, въ Возерскомъ приходѣ, мнѣ удалось записать со словъ местной причитальницы иѣсколько причитаній, которыхъ и помѣщаются дальше.—Причитаютъ, или, по местному выражению, *стихи водятъ*, и въ домѣ тотчасъ послѣ смерти какого-нибудь лица, и на могилахъ въ поминальные церковные дни. Это исполняютъ только женщины. Въ

Возерскомъ и соседнемъ Можиинскомъ приходахъ есть илько
женщинъ, пользующихся славой хорошихъ причитальницъ.

I. По отцѣ.

На своей родимой на сторонушкѣ
Сквозь туманъ да пекеть красно солнышко;
Заунывъ стопть высока горенка;
Призаликались скопечка косящаты;
Подломились да новы сѣни рѣшетчаты;
Разсыпалась частоступчатая лѣсенка;
Закатилось да схоже—красное солнышко.
Не дивите-ко, люди добрые,
Да сусѣди порядовные,
На мои стихи, причеты не умильные!
Вѣдь, не пекеть два схожія солнышка,
Не живеть *) да два родителя батюшка!
Одна моя стѣна, ограда бѣлокаменна,
Одивъ да доброхотъ—родитель батюшка.
И всего того тошнѣе да обидище,
Что не была у своего родителя у батюшка
Какъ при той порѣ, да времячкѣ,
Какъ разставалась душа съ бѣлымъ тѣломъ,
Выкатилось зрѣнье и смотрѣнїце
Изъ бѣлыхъ ясныхъ очей!
Это что это за чудо за чудное!
Раныше было, какъ на собраныи людей добрыихъ,
Онъ имѣлъ совѣтъ съ господами, купцами и боярами.
Теперь же что несетъ гнѣвъ сердце великое?
— Наѣхали гости къ нему въ бѣлую палату:
Онъ прежде встрѣчалъ ихъ и честь давалъ.
Теперь, ужъ видно, гости пріѣхали
Не по уму ему, да не по разуму.
Найдите, дочерь—бѣлые голубушки,
Побужайте да родителя батюшка!
Что же, доброхотъ да родитель батюшка,
Одолѣли тебя крѣпки сны да забудушие?

*) Не бывать.

Это мало живеть да водится,
Что заговорить покойный словечко единое.
Подавай да листъ бумажку гербовую
Ему да во правую рученку!
Напиши, да добрый батюшко,
Свое рукописаныце,
Своей да доброй матушки чѣмъ воспитатися
При старости лѣтъ, да и при дрянности.

II. По матери.

Убралась родима матушка.
Осталось двѣ дочери голубушки—
Холодны, и голодны.
Остались онѣ отъ родимой матушки,
Малешеньки опѣ и глупешеньки,
Не во полносѣмъ во дѣвачьемъ возрастѣ.
Какъ я сяду ко своей матушкѣ,
Сиду я ко сердечку ретивому;
Положу я свои бѣлы бумажны рученьки
Ко ея сердечку ретивому.
И убьюсь я слезами горькими и горегорькими.
Тамъ учуди сосѣди порядовные,
Учули и братя да жалостливые
И пришла къ намъ въ тепловитое гиѣзышко.
Мы бужаемъ свою кормилицу матушку.
Но отпихиваются настъ прочь отъ свой да родимой матушки
Свои да сосѣди порядовные.
Я захвачу за шейку свою родитель матушку,
Припаду къ ея устамъ да сахарнымъ.
Но одолѣли се крѣпки сны да забудущіе;
Застыли ея бѣлыя рученьки.
Я отогрѣю ся бѣлыя рученьки,
Какъ положу ихъ во свою-ли да во теплую назуху.
Не отогрѣть-то ихъ да и не оттаять!
Выпали ручки изъ теплыхъ назушки
У своей да у кормилицы матушки.
Мы червочкой вкругъ ся да увиляемся,

Косатой ласточкой вкругъ ел да извиваемся.
—На кого ты держиши крѣпку надѣю великую,
Что покинула ты малыхъ дѣточекъ?
Отъ кого-то мы станемъ глядѣть доброты да ласкость велика,
Мы-то малыя дѣточки?
Мы находимся по миру—народу крещеному,
Насобираемся кусочковъ поданныхъ.

III. По дочери.

Была у меня милая дочушка.
Я держала крѣпку надѣю *) великую.
Я срядила ее и обрядила
Во хорошее платье цвѣтное.
Немножко она походила и поносила.
Не находилась, да не напосидалась:
Спросилъ истинный Христосъ да Царь Небесный.
Ходила моя милая дочушка
Со кумами ходила, да со подругами,
Со сусѣдками порядовыми.
И встануть въ Воскресенье Христово,
Пойдутъ ко ранней ко утренней ко заутренни,
Пойдутъ ея подружки возлюбленные.
И я выйду, горегорькая кукушка,
Поглядѣть на ея подружекъ.
Найдеть да моя дочерь бѣлая
Со своима да со кумами и со подругами.
Какъ я ворочусь да кручинца бѣдная,
Да соберу ея платье цвѣтное.
И сряжу и обряжу, какъ дочь свою.
Придетъ ко мнѣ сынъ и скажетъ:
„Вѣдь, это мало живеть и водится,
Что мертвый съ погосту воротится“.
Тошибешенько сердечку ретивому,
Нету въ живности дочери голубушки.
Думилица моя была да собесѣдница

*) Надежду.

Была тайная моя да разговорчица.
Не дивите-ко народъ да люди добрые:
Миѣ тошнешенько сердечку ретивому.
Какъ собрались ко мнѣ ея подружки
Да возлюбленныя,
И молилась имъ: „вы, мои кумы да и подруженьки,
Не увидите-ли моей дочери бѣлой голубушки
На гульбищахъ и на игрищахъ;
Увидите се и приведите ко мнѣ“.

IV. По отцѣ.

(*Причттанье дочери, оставшейся съ матерью.*)

По тиху, по позду по вечеру
Была па милой на сторонушкѣ,
У своего да у родителя батюшка.
Сидѣла я па мягкихъ, пуховыхъ першиушкахъ
И просила крѣпкаго благословенъца.
Какъ я стала по утру ранешенько,—
Пришла не радостная вѣсточка,
Не радостная вѣсточка, не веселая:
„Нѣть во живности родителя батюшка“.
По малешеньку иду, да потихоненьку
На свою на родиму на сторонушку.
Не гнутся подо мной ножки рѣзвыя,
Не глядѣть мои очи ясныя;
Не вздыхаются мои ручки бѣлыя.
Пріунывъ стоитъ высока горница;
Позаплакались оконка косящаты;
Приразсыпалась частоступчатая лѣсенка.
Взошла я во сѣни во новые,
Призаплакались стѣнки сосновыя.
Оглядѣлася па народъ да па креценнѣй:
Шогляжу и по новой высокой горницѣ,
Гдѣ-ка доброхотъ мой родитель батюшка?
Онъ сряженъ лежитъ, ображенъ
Въ умирально платье цвѣтное.
И я сѣла тутъ къ родителю батюшкѣ
Подъ правое крыльишко.

Стала бужать да родителя батюшка:
„Доброхотъ да родитель батюшка!
Наказаль-ли ты молодой женѣ,
Моей-ли чужеспальчвой мачихѣ!
Наказаль-ли пріучать *) меня на свою родимую сторопушку,
Во свое да тепловитое гнѣздынико?“
Какъ станеть пріучать меня кормилица матушки
На свою родимую сторопушку,
Не заростеть путь дорожка широкая
На милую сторонушку.—
Есть и милая сестрица родимая
У насъ съ ней дума совѣтъ да соединял.
Не стала пріучать меня родимая матушки
На свою родимую на сторопу.
И заросла путь дороженька
Мелкимъ ельничкомъ и березничкомъ
И частымъ орѣшничкомъ.
Какъ въ веснѣ, по веснѣ красной
Что-то мнѣ почуялось, да послышалось.
Что во темномъ лѣсу да во березничкѣ,
Во березничкѣ да во орѣшничкѣ:
Тамъ кукуеть горегорькая кукушечка.
Тамъ тоскуеть моя милая сестрица и горюетъ.
Тамъ, видно, стоянилось ей по родимомъ родителѣ;
Видно, не издачна **) да чужая сторопушка
Не похвальна неволя велякая.

(Записано со словъ крест. Дрыглиной.)

Учитель Петрозавод. духовнаго училища *Левъ Малиновскій.*

*) Приимать.

**) Не гостепріимна.